

А. П. Мерчи
Минск, БГУ

**МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОБЩЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ
В РАССКАЗАХ ОТ 1-ГО ЛИЦА: ФАКТОР ДИЕГЕТИЧНОСТИ НАРРАТОРА
(ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ПОВЕСТВУЕМЫЕ СОБЫТИЯ)
ИЛИ ЕГО НЕДИЕГЕТИЧНОСТИ**

На материале русских и американских рассказов, написанных на рубеже XX–XXI вв. в повествовательной форме от 1-го лица, было исследовано количественное соотношение в текстовой ткани рассказа наррации (авторского повествования) и коммуникации персонажей, представленной в двух формах: 1) как прямая речь и 2) как пересказ речи героев со слов нарратора (более или менее свернутая речь). Представление речи персонажей рассматривалось с точки зрения оппозиции «изображения» и «интерпретации» общения: прямая речь позволяла «изобразить» общение героев и служила движущей силой сюжета, а свернутая речь в большинстве случаев «интерпретировала» коммуникацию и делала повествование более динамичным. Во всех произведениях объем прямой речи превышает объем свернутой, что говорит о преобладании «изображения» речи героев над их авторской интерпретацией. Степень причастности диегетического и недиегетического перволичного нарратора к повествуемым событиям отчасти влияет на представление межличностного общения.

1. Оппозиции повествования «от 1-го лица» и «от 3-го лица»; два вида повествования «от 1-го лица»; диегетический – недиегетический нарратор. На первый взгляд такой фактор, как выбор автором грамматической формы повествования (от 1-го лица или от 3-го лица) наиболее прямо и разнообразно связан с характером представления в прозе коммуникации героев. Исторически перволичное повествование (далее 1лф) предшествовало третьеличному (3лф). Важнейшая черта 1лф-повествования состоит, по определению К. Н. Атарова и Г. А. Лескиса, «в наличии персонафицированного повествователя, находящегося в том же повествовательном мире, что и другие персонажи» [1, с. 345]. С этим связана «презумпция автобиографизма» 1лф-нарративов: рассказчик как бы убеждает в подлинности рассказа: «я сам это видел» [1, с. 346]. При полной свободе 1лф-нарратора в рассказе о себе, о своем внутреннем мире он ограничен в возможности наблюдать события и слышать разговоры, происходящие в его отсутствие. В 3лф-повествовании нарратор «не видим» ни читателю, ни персонажам. Он «вездесущ» и «всеведущ». Таким образом, 3лф-наррация дает автору максимум свободы: он волен показать, как на сцене, и живое общение героев (их прямую речь), и представить содержание любых их разговоров с той беглостью или полнотой, которую сочтет нужной. Однако в современной прозе грамматические показатели лица нарратора могут отсутствовать или быть едва заметными. В «Нарратологии» В. Шмида оппозиция грамматических форм повествования оказывается менее значимой, чем различие в 1лф-нарративе рассказчика «диегетического» (вовлеченного в повествуемые события) и «недиегетического». Однако при ближайшем рассмотрении оппо-

зиция диегетического и недиегетического перволичного нарратора предстает как континуум, в котором исследователи (Ж. Женетт, С. Лансер, В. Шмид) в 1970–1980 гг. стали различать до шести степеней причастности нарратора к повествуемым событиям [2, с. 90–95].

2. Текстовые категории рассказа, значимые для представления коммуникации. В языковой ткани рассказов центральной оппозицией является противопоставление компонентов нарративного и коммуникативного. Наррация (или повествование) включает в себя и изложение сюжетных перипетий, и описания, и характеристики героев, и предыстории, и раскрытие их мыслей, желаний, оценок, в том числе внутренние монологи персонажей «от 1-го лица» («*Что же мне теперь делать?*» – в отчаянии думала Маша), в том числе и рассуждения, лирические отступления повествователя и «свободный косвенный дискурс». Наррация выступает как тот содержательный событийно-информационный контекст, в котором с разной полнотой представлено общение персонажей. В рассказах коммуникация предстает двояко: 1) как прямая речь героев, 2) как авторский пересказ одной или нескольких реплик героя или разговора персонажей. Такой пересказ почти никогда не является тем, что в грамматиках называется «косвенной речью». Фраза из рассказа Токаревой «Система собак»: *Я позвонила домой Вальке и сообщила с ленцой: вряд ли у меня получится по времени, меня пригласили на другой фильм* сжато передает суть двух разговоров: приглашение на фильм и сообщение об этом приглашении одного персонажа другому. Каждое из сообщений «на самом деле» не могло свестись к одному высказыванию; происходил некоторый обмен репликами. Однако невозможно точно представить, что и как «реально» говорилось в каждой ситуации. Вместе с тем нарратор передал суть обоих разговоров, и никто не может сказать, какие именно реплики персонажей предстали в рассказе в форме «свернутой речи».

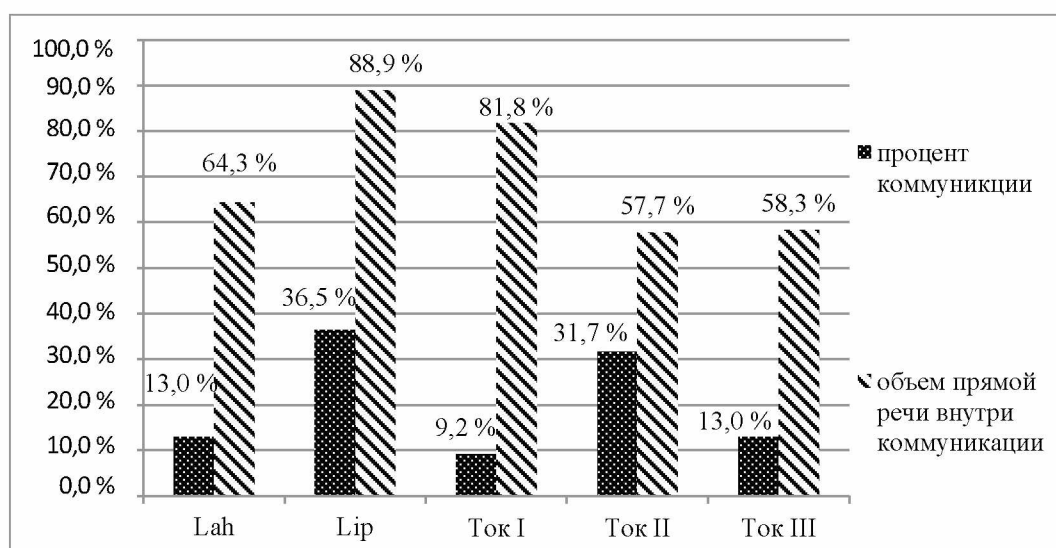
В художественной прозе у прямой и свернутой речи функции существенно различны. Прямая речь усиливает изобразительность, «картинность» и воображаемую «документальность» рассказа. Имитируя сцены общения героев, прямая речь способствует индивидуализации персонажа. Накал страстей, драматизм конфликта – все это способна передать именно прямая речь, а не ее более или менее свернутые пересказы. Свернутая речь, ускоряя наррацию, усиливает повествовательское (авторское) и интерпретирующее начало. Заменяя прямую речь свернутой, нарратор вмещивается в естественный ход общения: он просеивает содержание разговора, обобщает и/или сжимает информацию, эксплицирует иллокуцию речей (*возражал, посоветовал, уговаривал, жаловался* и т.д.), жертвуя или пренебрегая подробностями, которые ему кажутся «лишними».

3. Задачи, материал и метод исследования. Важно определить, насколько фактор диегетичности/недиегетичности перволичного нарратора влияет на две ключевые текстовые оппозиции: на соотношение наррации и коммуникации и на пропорции прямой и свернутой речи. На примере

русских и американских 1лф-рассказов рубежа XX–XXI вв. (Дж. Лахири «The third and final continent» («Третий и последний континент») (далее Lah), С. Липсайта «This appointment occurs in the past» («Эта встреча происходит в прошлом») (далее Lip) и В. Токаревой «Система собак» (Ток I), «Искусственный пруд» (Ток II), «Брат и сестра» (Ток III)) было вычислено процентное соотношение наррации и коммуникации, в том числе удельный вес прямой речи в общем объеме коммуникативного компонента. Рассмотренный материал исследования представляет собой рассказы, которые принадлежат реалистической литературе своего времени и при этом не относятся к таким маркированным жанрам рассказа, как исторический, детективный, комический, приключенческий, научно-фантастический, мистический, парапсихологический.

4. Удельный вес коммуникативного компонента в рассказах от 1-ого лица. Количественные различия в удельном весе прямой и свернутой речи в рассмотренных рассказах. На диаграмме (рисунок) представлены полученные данные по исследованным текстам, что позволяет судить о соотношении 1) коммуникации и наррации (в совокупности образуют 100 % текста) и 2) прямой и свернутой речи (составляют в целом представление о коммуникации).

Удельный вес значимых дифференциальных признаков в языковой ткани русских и американских рассказов от 1-го лица

Во всех рассмотренных 1лф-рассказах удельный вес прямой речи в общем объеме коммуникации составляет больше 57 %, что говорит о преобладании «изображения» речи героев над их авторской интерпретацией. Автор стремится компенсировать беглость представления коммуникации в свернутом виде с помощью более сосредоточенного изображения некоторых важных сцен общения.

Степень вовлеченности перволичного рассказчика в повествование отчасти определяет представление коммуникации в рассказах. В рассказе «Система собак» рассказчица является также и главной героиней любовной

истории. В центре ретроспективного повествования с позиции теперешнего «я» в рассказе Лахири – воспоминания событий из жизни нарратора-протагониста после переезда из Индии в Лондон, а затем в Америку. Коммуникация представлена в текстах довольно скупой: в рассказе Лахири коммуникативный компонент занимает 13 %, а у Токаревой в «Системе собак» – 9,2 % текста. В субъективное повествование, наполненное личными впечатлениями, чувствами и эмоциями нарратора, включается преимущественно свернутая передача общения героев: удельный вес прямой речи в рассказе Лахири составляет только 64,3 %.

В рассказе Токаревой «Искусственный пруд» и произведении Липсайта нарратор является одним из главных героев и очевидцем событий. В русском рассказе нарратор (по сюжету – писательница) только отчасти продвигает сюжет, сводя главную героиню с опытным гинекологом. В рассказе С. Липсайта бывшие друзья по колледжу решают вспомнить о старых обидах: через много лет после окончания учебы главному герою звонит его умирающий друг Дэвид и просит приехать увидеться с ним. Коммуникация героев представлена в виде отдельных «сцен», что придает рассказу сходство с драмой: удельный вес коммуникации и прямой речи героев в этом произведении самый высокий.

В тексте «Брат и сестра» 1лф-нарратор (также писательница) видит героиню в самом начале рассказа и только со стороны, и неясно, откуда автор знает разные важные и интимные подробности из жизни «брата и сестры»; т.е. история собственно «брата и сестры» представлена по законам 3лф-наррации. Рассказ начинается сценой приема в писательский дачный кооператив посторонней, но «богатенькой» дамы (это она «сестра»), которую собрание кооператива согласно принять, но только за дополнительные и немалые деньги. После сцены приема в кооператив последующее повествование, почти до самого конца, написано без видимого участия нарратора, т.е. как 3лф-рассказ. Рассказчица в полной мере использует возможности «всеведущего» 3лф-автора: без каких-либо фабульных мотивировок передает все, что считает нужным: детские впечатления героев, слова и мотивы поступков давно умерших незнакомых людей, любовные сцены, внутренние монологи и т.п. В следующий и последний раз 1лф-маркер появляется за 15 коротких предложений до финала: *Зюма предпочитала загородный дом, который она возвела в **нашем** поселке.* 1лф-маркер – в *нашем* поселке, – вновь укрепляет у читателя ощущение, что все рассказанное – «правда» и «из жизни». Таким образом, 1-е лицо зачина и финала нужна писателю как нарративный стилистический камертон: вызывающая доверие скороговорка первых 1лф-страниц сохраняется на протяжении всего рассказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атарова, К. Н. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе / К. Н. Атарова, Г. А. Лесскис // Изв. АН СССР. СЛЯ. – М. : Наука, 1976. – № 4. – С. 343–356.

2. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Языки славянской культуры, 2008. – 304 с.

The article is dedicated to the analysis of the representation of communication in Russian and American short stories with the first-person narration, which were written between XX–XXI centuries. The method of the research is based on the distinction and calculation of four components of the text: 1) narration and communication, 2) direct speech and compressed speech.

А. Д. Михалевич

Минск, ГУО «Средняя школа № 200 г. Минска»

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АСИММЕТРИИ
В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА
И. П. МЕЛЕЖА «ЛЮДИ НА БОЛОТЕ»

В докладе рассматриваются проявления лингвокультурной асимметрии в переводах романа «Люди на болоте» на русский язык переводчиками Н. Кисликом и М. Горбачевым. Отобранные методом сплошной выборки 76 национально-маркированных единиц распределены с учетом проявления асимметрии в 4 группах. Переводческие ошибки не влияют на восприятие текста читателем, составляя 22 % у М. Горбачева и 16 % у Н. Кислика.

Наше исследование посвящено изучению лингвокультурологического аспекта асимметрии в переводах с белорусского на русский язык романа И. П. Мележа «Люди на болоте». Актуальность определяется тем, что полученные в результате исследования выводы могут способствовать углублению знаний о национальной специфике языковых картин мира и использоваться на уроках русского и белорусского языка и литературы и во внеурочной деятельности по этим предметам.

Цель исследования: выявить, как влияет лингвокультурологический аспект на появление асимметрии в переводах художественных текстов с белорусского на русский язык.

Объектом исследования является роман И. П. Мележа «Люди на болоте» и его переводы на русский язык, а предметом – категория асимметрии в переводческом пространстве романа.

Для того, чтобы выявить, как влияет лингвокультурологический аспект на перевод романа «Люди на болоте» на русский язык, мы обратились к переписке автора с переводчиком его произведения на эстонский язык О. А. Йыги, которая не только помогла нам узнать об отношении Мележа к переводам его романов, но и убедила в том, что сам Иван Павлович очень трепетно подходил к вопросу перевода своего творения на другой язык. Как следствие, Мележ в своих письмах очень подробно отвечал на возникающие у переводчиков вопросы. Поэтому лингвокультурологическому анализу подверглись языковые единицы, объяснение которых дал сам Иван Павлович в письмах к Йыги, и те лексемы, которые были отобраны самостоятельно методом сплошной выборки. Из 76 слов, описанных в письмах, были отобраны 45 нарицательных существительных, преимущественно диалектных или устаревших. Чтобы установить,